

Марина
СЕРОВА

Виноградная дорога

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Виноградная дорога
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40520344
Виноградная дорога: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-107184-4

Аннотация

Безобидный бродяга Венчик Аякс буквально поймал удачу за хвост – нашел и выходил пса местного строительного магната Бусыгина. Тот приблизил Вениамина к себе, ввел в дом и в семью. Как выяснилось, к несчастью для обоих – ведь вскоре убили жену Бусыгина Викторию. Подозрение, разумеется, пало на бывшего бездомного. Детектив Татьяна Иванова, давняя и хорошая знакомая Венчика, решила спасти его доброе имя...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Марина Сергеевна Серова

Виноградная дорога

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Серова М. С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Расследование было закончено, осталась самая малость – донести его результаты до заказчика и получить полный расчет за проделанную работу, а если повезет, то и премию. Клиент назначил мне встречу в ресторане «Ариадна». Каждый будний день Остапенко обедал в одном и том же месте, если, конечно, находился в Тарасове, а не в командировке или в отпуске. Сегодня он не собирался отступать от своих правил, причем решил совместить ланч с деловой встречей. Что ж, хозяин – барин. Около часа я маскировала свой синяк, полученный вчера в схватке с недругом моего заказчика, из которой я вышла победительницей. В качестве трофея у меня осталась флешка, которую мне и следовало передать Остапенко, владельцу торгового центра «Бирюза».

Зал ресторана, окна которого выходили на ТЦ «Бирюза», был полон посетителей, но я сразу увидела своего заказчика и прошла к столику, за которым он сидел. Мы обменялись приветствиями.

– Татьяна, я не стал ничего вам заказывать, – Олег Валерьевич даже не оторвался от тарелки с салатом. – Не знаю ваших вкусов. Вы уж, пожалуйста, сами себе что-нибудь выберите. И очень прошу вас, ни в чем себе не отказывайте!

Взяв папку с меню, я принялась ее изучать. До моего слуха донесся мужской голос, он показался мне знакомым. Немно-

го отклонившись вправо, я попыталась разглядеть тех, кто сидел за соседним столом, за спиной моего клиента. Там было четверо мужчин. Двое сидели лицом ко мне, их я видела впервые. Лица еще двоих были обращены в другую сторону. Один из них проводил взглядом проходившую мимо официантку, благодаря чему я разглядела его профиль и поняла, что с ним мне тоже не доводилось прежде встречаться. Обладателем знакомого голоса явно был четвертый, тот, на чьи аккуратно подстриженные волосы уже легла благородная седина. Он снова заговорил, и я даже подалась вперед, чтобы лучше расслышать его голос, но в этот самый момент к нам подошла официантка.

– А вот и ваш любимый суп из осетрины, – сказала она, переставляя блюдо с подноса на стол. – Ваша спутница уже готова сделать заказ?

– Спросите ее сами. – Олег Валерьевич немного передвинул стул вправо, закрывая мне обзор.

Я решила ограничиться чашкой кофе и шоколадным десертом. Официантка записала мои предпочтения в маленький блокнотик и удалилась.

Глядя на то, как жадно Остапенко удовлетворяет свой аппетит, я поняла, что ему без разницы, как именно ко мне в руки попал компромат, ради которого он затеял частное расследование.

В отличие от большинства моих бывших клиентов этого совершенно не интересовали подробности. Для него глав-

ным было, что дело сделано, а уж какими усилиями и с какими потерями для меня, это, как говорится, дело десятое.

Он всем своим видом давал мне понять, что рассчитывать на премиальные не стоит.

В ожидании своего заказа я гадала, кто тот человек, чей седой затылок мелькал за Остапенко и чей голос периодически доносился до моего слуха. Он казался мне таким знакомым, почти родным, но почему-то я никак не могла его идентифицировать. Эта загадка не давала мне покоя.

Олег Валерьевич протер бумажной салфеткой усы, поковырялся зубочисткой во рту и как бы между делом спросил:

– Я так понимаю, вы принесли карту памяти?

– Принесла.

– Надеюсь, копий нет?

– Человек, у которого я забрала флешку, заверил меня, что видеоматериалы не были растиражированы, – сказала я, опустив подробности того, как сжимала свои пальцы вокруг шеи обладателя информации, порочащей моего клиента. Душить его я не собиралась, только пугала, но он этого не знал, поэтому предпочел обменять свою жизнь на флешку.

– Не хочу ничего слышать о нем. Я имел в виду вас. Не сделали ли вы, Татьяна Александровна, копию?

– Разумеется, нет.

– Знаете, что там записано? – Остапенко изо всех сил делал вид, что его не смущает пикантное содержимое флешки.

– Только с ваших слов. Я лишь убедилась по дате создания

видеозаписей, что это именно те, которые вас интересуют. Сами файлы я не открывала. – Эти слова были полуправдой. Я просмотрела начало материалов, чтобы удостовериться в том, что мне не подсунули подделку. До самых горячих постельных сцен я не дошла, они мне были безынтересны.

– Хорошо, я вам верю, – сдержанно произнес Олег Валерьевич и стал искать глазами официантку, создавая впечатление, что его в данный момент заботит лишь то, когда она принесет ему второе блюдо.

Между тем мужская компания поднялась из-за соседнего стола и направилась к выходу. Человек, чей голос показался мне знакомым, как назло, смотрел в окно. Лишь на мгновение он повернулся в мою сторону и сразу же отвел взгляд. Я отказывалась верить своим глазам. Наверное, мои эмоции отразились на моем лице, потому что Олег Валерьевич – спросил:

– Вы с ним знакомы? Работали на него?

– Нет. С чего вы взяли? – со всей непринужденностью ответила я.

– Да будет вам отпираться! – усмехнулся мой клиент. Я пока не могла назвать его бывшим, он должен был перейти в эту категорию после окончательного расчета. – Вы определенно с ним знакомы. Не ожидали его здесь увидеть?

– Кого его? – уточнила я. – Их было четверо.

– Я имел в виду Бусыгина. Трое, что его сопровождали, это, должно быть, охрана и референты.

– Ваш плов, – официантка бесцеремонно вмешалась в наш разговор, но я была этому рада. Она не только дала мне возможность обдумать ситуацию, но и принесла кофе с пирожным.

Бусыгин... Бусыгин... Я довольно час-то слышала фамилию этого бизнесмена, но никогда не видела его вживую, только по телевизору. На экране он выглядел старше и плотнее. И если это был он, один из самых состоятельных тара-совчан, то в его окружении никак не мог находиться Вениа-мин. Да, голос очень похож, просто один в один. Рост, телосложение – такие же, в чертах лица много общего, но как раз этому находилось научное объяснение. Люди, обладающие схожей внешностью, относящиеся к одному типуажу, часто имеют один и тот же тембр голоса. Это чистая физиология.

Будь это Венчик, он бы меня узнал и дал это понять – кивнул, подмигнул, улыбнулся. Но он ничего из этого не сделал. Похоже, я обозналась. Тот мужчина в идеально сидящем на его слегка сутуловатой фигуре костюме и с аккуратной стрижкой просто не мог быть бомжом-философом Венчиком Аяксом, которого я знала не один год и чьи притчи слушала с упоением. Где был Аясов и где – Бусыгин? Один обретался по заброшенным домам и пустующим дачам, а второй дома строил.

Самые приметные новостройки нашего города были возведены фирмой, принадлежащей этому человеку. За пару лет он обошел по темпам строительства всех конкурентов

в этой сфере, сумев занять свою нишу. Бусыгин строил не просто жилые дома и административные здания, а архитектурные достопримечательности нашего города. Это ему мы были обязаны появлением сначала на центральных улицах Тарасова, а потом и в его предместьях этаких мини-дворцов с колоннами у парадных подъездов, со скульптурами, украшающими фасад, со стрельчатыми окнами и даже с горгульями на крышах.

Венчик же не работал из принципиальных соображений, он презирал деньги, считал их злом, и для меня было огромной проблемой вознаградить его за помощь в моих расследованиях. Аякс помогал мне абсолютно бескорыстно, он был твердо уверен – зло должно быть наказано, а справедливость восстановлена. Но я не из тех, кто беззастенчиво пользуется посторонней помощью, не давая ничего взамен. В случае с Венчиком мне чисто по-человечески хотелось улучшить хоть чуть-чуть его нищенское существование, на которое он себя обрек. Порой я обращалась к нему за «консультацией» только для того, чтобы просто его накормить. Однажды я принесла в его убогое временное жилище пакет с фастфудом, сказав, что не успела дома перекусить, купила по дороге еды, но мне одной с ней не справиться, и попросила Венчика помочь мне разделаться с бургерами. Он немного поломался, но потом согласился составить мне компанию. В другой раз я поручила Аяксу последить кое за кем в третьесортной забегаловке, снабдив его одеждой и деньгами на накладные

расходы. Он принял все это, потому что мои подношения не были в чистом виде платой за его труды, они выполняли функцию реквизита, необходимого, чтобы справиться с определенной миссией. Я предлагала Аясову помощь по восстановлению документов, но он сказал, что в этом нет необходимости, потому что у него имеется паспорт, и даже показал мне его для достоверности. Запомнив фамилию-имя-отчество, я навела потом справки через знакомого сотрудника милиции, тогда это ведомство еще так называлось. Выяснилось, что среди жителей нашего города числится Аясов Вениамин Русланович, очень похожий на того, кого я знала, и регистрация у него имеется, причем во вполне благополучном микрорайоне. Может, это был двойник Венчика, как раз тот самый, которого я только что видела в компании бизнесмена Бусыгина?

– Что ж, давайте меняться, – прервал мои размышления Олег Валерьевич. – Вы мне карту памяти – я вам деньги.

– Давайте, – сказала я, допив кофе.

Наконец расправившись с полноценным обедом, клиент привалился к спинке стула. Мы смотрели друг на друга, гадая, кто же сделает первый шаг. Мой визави не торопился, как и я. Почувствовав, что бездействие неприлично затянулось, я взяла в руки клатч. Олег Валерьевич поднял с соседнего стула коробку в праздничной упаковке. Я достала флешку, которую по случайному стечению обстоятельств тоже решила запаковать в небольшую коробочку, перевязан-

ную тесемкой со скромным бантиком. Не сводя друг с друга глаз, мы синхронно положили свои «подарки» на середину стола.

– Благодарю за этот сувенир, – с этими словами заказчик забрал то, что я для него раздобыла.

– И мне приятно получить от вас этот презент, – я сдержанно улыбнулась и, взяв коробку, которая едва уместилась в мою сумочку, первой встала из-за стола и попрощалась.

Нам больше не о чем было говорить. С этого мгновенья Остапенко стал моим бывшим клиентом. Это было несколько преждевременно, обычно я присваиваю подобный статус, убедившись, что вся сумма поступила на счет, или пересчитав наличку. В этот раз мои мысли были целиком и полностью поглощены седоволосым человеком, которого я встретила в этом ресторане. Был ли это все-таки Венчик Аясов или кто-то другой, похожий на него, как брат-близнец, жизнь которого сложилась гораздо более удачно, чем у моего знакомого?

Я пыталась мысленно «облагородить» привычный образ Аякса и в результате пришла к выводу, что после посещения бани, барбершопа и магазина мужской одежды мой знакомый бомж, скорее всего, стал бы выглядеть точно так, как человек из окружения Бусыгина. Но мысленно изменить мировоззрение Вениамина у меня не получалось, как я ни старалась. В моем сознании он продолжал оставаться лицом без определенного места жительства, которому чужды блага ци-

визации, и круг общения которого никак не затрагивает сливки тарасовского общества.

* * *

Примерно на полпути из ресторана домой я решила свернуть в другую сторону, туда, где последний раз встречалась с Аяксом. Это было месяца два назад. Венчик в ту пору обрелся в расселенном доме, который готовился к сносу, причем довольно долго и безуспешно. В одной из квартир этой непрезентабельной двухэтажки была прописана мать чиновника федерального масштаба, ветеран войны. Фактически она давно не проживала не только в этом доме, но и в Тарасове. Сын забрал ее к себе в Москву. В новом жилье здесь она не слишком нуждалась, поэтому не спешила приезжать по месту регистрации, чтобы получить новую квартиру. А может, и не могла сделать это ввиду своего преклонного возраста и не очень хорошего состояния здоровья. Местные власти, опасаясь, что в любой момент эта отнюдь не рядовая жительница нашего города появится по месту своей прописки вместе со своим сыном-чиновником, не только не решались дать разрешение на снос дома, но и на отключение его от коммуникаций.

Забитые досками подъездные двери лишь создавали иллюзию пустующего жилья, которое вот-вот снесут. Одни жильцы, законные, съехали, другие несанкционированно по-

селились там. Среди последних как раз был Венчик Аякс. Он занимал малогабаритную однушку на втором этаже, в которой от прежних хозяев осталось немного мебели – пролежанный диван, вполне приличный кухонный стол да несколько облезлых табуреток. По сравнению с предыдущим подвалом, чудом уцелевшим во время пожара, в котором до того кантовался Венчик, эти «апартаменты» были для него просто королевскими хоромами. Именно так он сам в шутку их называл и сетовал, что может привыкнуть к таким излишествам, как электричество и горячая вода. Аякс понимал, что дом рано или поздно снесут, ему непросто будет возвращаться к прежним условиям. «Привычки – это те же наркотики, порвать с ними непросто», – философски рассуждал он.

Заехав во двор, я окинула взглядом окна – света ни в одном из них не было, хотя на улице резко потемнело из-за сгустившихся туч. Я подумала, что отсутствие света в окнах еще не означает, что ни в одной квартире никого нет. Скорее всего новые жильцы включали его лишь в исключительных случаях. Венчик говорил мне, что участковый их не беспокоил, хотя знал, что Аякс и его приятели поселились в этом доме. Я догадывалась, почему им дано негласное разрешение на проживание. С этими жителями двухэтажка, в одной из квартир которой остались вещи привилегированной дамы почтенного возраста, находилась под круглосуточным присмотром. Было бы гораздо хуже, если бы это местечко облюбовали наркоманы или трудные подростки, которые навер-

няка стали бы ломиться из любопытства в закрытую квартиру. Венчик и его соседи не позволяли себе такого самоуправства. Они, в сущности, были законопослушными гражданами, но эта добродетель не была оценена по достоинству. Одни горожане презирали плохо одетых людей, копошащихся в мусорных баках, другие их боялись и старались обходить стороной.

Раздвинув доски, я сначала толкнула вперед скрипучую дверь, а затем пролезла в образовавшуюся щель и оказалась в подъезде. Там было на удивление тихо. В прошлый раз, когда я поднималась на второй этаж к Венчику, чего только не наслушалась – смачный храп, истерический хохот, обрывки пьяных разговоров. Тогда жизнь здесь бурлила, не то что теперь. Сегодняшняя тишина меня настораживала. Я просто не могла понять, куда все разом подевались. Неужели администрации все-таки удалось связаться с последней законной жительницей этого дома и сообщить ей радостную весть о предстоящем новоселье, а посему в самое ближайшее время сюда подгонят бульдозер?

Остановившись около двери в нужную квартиру, я прислушалась – за ней было тихо. Можно было открыть дверь и войти, поскольку вместо замка зияла огромная дыра, но для приличия я сначала постучалась. Не дождавшись ответа, я толкнула дверь вперед и с порога крикнула:

– Венчик, ты дома?

Внутри что-то скрипнуло. Немного поколебавшись, я во-

шла и заглянула в комнату. Венчика там не было, но вот вещей прибавилось – появилось глубокое кресло, на котором валялись яркие шмотки. Подойдя ближе, я подняла несколько тряпок и с удивлением обнаружила, что они женские. Овальное зеркало, висевшее на стене, которого прежде я не видела, подтверждало, что здесь поселилась женщина.

«Неужели Венчик завел подружку?» – пронеслось у меня в голове. Эта мысль показалась мне еще более абсурдной, чем та, что полчаса назад возникла у меня при виде седоволосого мужчины. Я на мгновение приняла тогда спутника Бусыгина за Аякса, расставшегося с образом нищего скитальца. Как это ни парадоксально, но до сегодняшнего дня мне казалось, что если в мире и есть нечто стабильное, то это статус Вениамина Аясова – одинокий бомж-философ. Возможно, я ошибалась, и на самом деле стабильности не существовало в принципе.

На кухне скрипнули половицы, и это послужило поводом, чтобы заглянуть туда. Едва я занесла ногу над порогом, как услышала едва уловимый звук слева от себя, повернула голову и успела увернуться от скалки, готовой перейти из разряда кухонной утвари в разряд орудия преступления. Перехватив руку, держащую эту скалку, я собиралась ее заломить за спину незнакомого мне мужика бомжеватого вида, но в этот самый момент сзади на меня кто-то навалился всей тушей. Несколько секунд мне хватило на то, чтобы осознать всю нелепость ситуации, в которую я попала, и как-то ее ис-

править. Раскидав по сторонам парочку, защищающую свою территорию, я сделала примирительный жест рукой, сказав:

– Спокойно! Я не причиню вам зла. Мне нужен Венчик Аякс. Неужели я ошиблась адресом?

– Венчик? – переспросила плохо одетая женщина, точный возраст которой я затруднилась сходу определить, но отметка в 40+ наверняка была пройдена. – И зачем он тебе понадобился?

– Он мой друг.

– Конечно, сейчас все мечтают к нему в друзья записаться, даже такие крали, как ты, – бомжиха смерила меня завистливо-презрительным взглядом. – Что-то раньше я не слышала, чтобы у Венчика были такие подружки.

– Но и я вас прежде здесь тоже не видела, – заметила я. – Можете спросить у своих соседей. Кто-нибудь наверняка подтвердит, что я уже приходила сюда к Аяксу.

– Нет сейчас здесь никого, кроме нас, – недовольно пробурчал мужик, минуту назад пытавшийся обрушить на мою голову скалку.

– А где все? – полюбопытствовала я, а потом сузила круг своих интересов до одной конкретной персоны: – Где Венчик?

– То есть ты ничего не знаешь? – уточнила женщина, потихоньку придвигаясь ближе ко мне.

– Допустим, кое-что знаю, – напустив таинственности, произнесла я. – Но мне хотелось бы уточнить...

Бомжиха вдруг прыснула со смеха, чем привела меня в легкое замешательство. Она смеялась надо мной, а я никак не могла взять в толк, что это вдруг ее развеселило.

– Санек, глянь, а ведь у нее фингал на морде! – женщина, не ведающая, что такое деликатность, ткнула мне в лицо пальцем, под ногтями которого виднелась грязь. – Вся из себя такая расфуфыренная, напудренная, а фингал все равно просвечивает.

– А, этот, – я приложила руку к синяку, который разглядела нелегальная обитательница этого дома, подойдя ко мне почти вплотную. Похоже, во время нашей схватки макияж стерся. – Вчера подралась кое с кем. Сильно заметно?

– Ага, – радостно подтвердила бомжиха. Меня не слишком смутило это обстоятельство, и ей моя реакция пришлась по душе. Она вдруг прониклась ко мне симпатией, примирительно сказав: – Ладно, садись за стол. Мы тебе сейчас все про Венчика расскажем. Я думала, что ты вся такая из себя фифа, одним словом, а ты нормальная баба, не хуже нас. Санек не станет больше на тебя скалкой замахиваться. Правда, Санек?

– Не буду, – подтвердил тот.

Мы сели за стол, тот самый, за которым прошлый раз уплетали с Венчиком принесенные мною бургеры. Санек принялся барабанить костяшками пальцев по пустому столу, намекая на то, что было бы неплохо накрыть его за мой счет.

Я уже собралась дать денег, придвинув к себе сумку, но

вспомнила, что из налички у меня с собой только то, что лежало в коробке с бантиком, открывать ее здесь было бы верхом неосмотрительности.

Женщину вдруг прорвало – она стала рассказывать взахлеб:

– Венчику повезло, он, можно сказать, в лотерею выиграл. Жил-жил, и вдруг такая удача! Ведь любой другой мог бы мимо пройти, не обратить внимания, а он не прошел, остановился. Лично на мой характер, я бы ни в жизнь туда не полезла, да и Санек не полез бы, я его знаю. Но Венчик – это Венчик, он другой, не такой, как мы, да и все остальные. Короче, счастье ему привалило выше крыши!

– Не поняла, Аякс выигрышный лотерейный билет нашел? – уточнила я.

– Нашел, только не билет, а собаку, – пояснил Санек. – Катюха, как обычно, попусту языком мелет.

– Да, собаку, точнее щенка, но что это, разве не выигрыш в лотерею? – Катерина перехватила инициативу в разговоре. – Ты думаешь, где сейчас все наши? В поисках такой же удачи разбрелись по городу. Люков открытых в городе еще много, мало ли кто в них может свалиться. Я тебе больше скажу, люк можно сначала открыть и притаиться неподалеку, ожидая, вдруг в него кто свалится... Конечно, хорошо, если породистый пес будет, за дворняжку никто золотом не осыплет.

Я наконец стала понимать что к чему, но для порядка

уточнила:

– То есть Венчик шел мимо открытого люка, понял, что в него угодила собака, и достал ее, так?

– Так, – закивала Катюха. – Достал он псину, а у нее задняя нога сломана, притащил он этого щенка сюда и стал выхаживать. Санек, ты не помнишь, как тот мужик эту породу называл?

– Московская сторожевая, – нехотя откликнулся приятель Катерины.

– Точно! Так вот, дня через два Соломон, это наш сосед с нижнего этажа, притащил сюда бумажку, которую сорвал со столба. В городе едва ли не каждый столб был оклеен листками с фотографией пса и номером телефона его хозяев. Венчик пошел на улицу, попросил у какого-то прохожего мобильный телефон, позвонил по тому номеру в объявлении и сообщил о своей находке. Вскоре сюда приехал хозяин собаки на большой черной машине с водителем и забрал песика.

– Скупердяй! Даже мятой сотки не дал Венчику в знак благодарности. Будь я на месте Аякса, я бы этого щенка обратно в люк скинул, – пробурчал Санек. – А что? Я же не знал, что мужик потом одумается и вернется.

– Дурень ты! – Катюха постучала кулаком по своей макушке. – Ему не до расчетов было, он подхватил собаку и сразу же повез ее к ветеринару. Дело уже под вечер было, так что вернулся тот мужик только на следующий день. Просидели они с Венчиком здесь часа три... Нас прямо такое лю-

бопытство всех взяло, о чем они там болтают! Мы по очереди стояли под дверями и прислушивались. Ты не поверишь, но Венчик того богатого мужика уму-разуму учил!

– Вот как? – я для порядка сделала вид, что удивлена таким поворотом событий.

– Да, я сам слышал, как он байки свои без устали рассказывал, а тот мужик слушал и приговаривал: «Вениамин, вы чрезвычайно интересный собеседник. Я бы очень хотел, чтобы вы стали моим... – Санек запнулся, не решаясь произнести нужное слово, – кажись, сенсеем. Это, наверное, что-то срамное?»

– Отнюдь, – возразила я. – Сенсей – это учитель, духовный наставник.

– Вот оно что, – Санек озадаченно почесал затылок. – А я уж грешным делом подумал...

– Молчи, дуралей! – напустилась на него Катюха. – А я все не пойму, к чему твои намеки, а ты, оказывается, услышал звон, да не знаешь, где он! Как ты мог Венчика заподозрить в голубизне! Да если хочешь знать, он мне такие комплименты говорил!

– Что? – Санек привстал и вознамерился ударить свою подружку кулаком в лицо, но я перехватила его руку.

– Я больше ничего не скажу, пока он, – Катюха бросила в сторону своего ревнивого приятеля беглый взгляд, – не извинится передо мной.

– Даже не подумаю, – фыркнул Санек. – Это она должна

прощения просить за то, что у меня под носом заигрывала с Аяксом.

– Ни с кем я не заигрывала! Просто Венчик, он такой... такой... культурный, не то что ты, мужлан неотесанный.

– Вот и вали к Аяксу! Только вряд ли ты ему теперь нужна, у него совсем другая жизнь, и если он бабу себе найдет, то она будет не чета тебе.

– То есть ты меня за какую-то замухрышку держишь? – теперь уже Катюха перешла в наступление, замахнувшись на Санька. Мне пришлось и ее осадить. – А как ты меня у Сипатого отбивал, забыл, значит? Ничего, Сипатый до сих пор по мне сохнет, я к нему вернусь.

– Вот и возвращайся! Мне одному даже проще будет. У тебя запросы слишком – большие.

– Прямо сегодня вернусь, не сомневайся! – пригрозила Катюха и даже сделала вид, что медлить не собирается.

– Так! – стукнула я кулаком по столу, и женщина плюхнулась обратно на табуретку. – На этом можно семейную ссору заканчивать. Подобные сцены, как известно, устраиваются для того, чтобы получить доказательства любви. Мне со стороны видно, что вы друг друга любите, никто ни к кому уходить не собирается, как и отпускать. Вопрос можно считать закрытым. Рассказывайте дальше. Как выглядел хозяин пса, которого спас Венчик?

– С него ростом будет, – Катерина кивнула на своего приятеля. – Худощавый. Волосы черные прилизанные, глазки ма-

ленькие...

Катюха обладала просто фотографической памятью, она в мельчайших деталях описала Бусыгина, и это означало, что я не обозналась – в ресторане вместе с ним был Вениамин. И что самое удивительное, Аякс выглядел там вполне органично. Не каждый бомж за месяц научится вести себя, как подобает в приличном обществе. Меня вдруг посетила догадка – а может, нищенское существование Аясова было лишь прикрытием? Следом за этим мой мозг стали атаковать и другие вопросы. Почему я раньше не обратила внимание на то, что Венчик практически на профессиональном уровне справляется с любым моим заданием? Если он работал под прикрытием, то на кого? На полицию или ФСБ? Спасение бусыгинского пса – это счастливая случайность или спланированная акция, чтобы войти в доверие к этому бизнесмену?

– Скажите, а кто-нибудь видел, как Венчик спасал собаку?

– Нет, – Катюха беспечно мотнула головой из стороны в сторону. – Он обычно один на промысел ходил. Похоже, наши возвращаются. Санек, сходи узнай, не повезло ли кому так же, как Венчику.

– Тебе надо, ты и сходи. Я сразу сказал, шансов так же разбогатеть – ноль. Хотя, – Санек уставился на меня, как кобра на свою добычу, – нам с тобой, Катюха, кажись, улыбнулась удача. К нам богатенькая краля забрела. Сидит здесь, вопросы свои задает, а ты, Катюха, все ей выбалтываешь, причем даром. Прикуси язык, и пока она не раскошелится, ничего

больше не рассказывай!

– Я заплачу вам за информацию, не сомневайтесь. Просто у меня с собой нет наличных денег, надо с карточки снять.

Санек резким движением схватил со стола мою сумочку и достал из нее коробку с примятым бантиком.

– Тяжелое что-то, – сказал он, прикинув вес. – Что здесь?

– Книжка, – выдала я, ни секунды не раздумывая. – Я хотела Венчику подарить сборник притч.

– Что-то ты рано пожаловала, у него день рождения только через неделю, – бомж за ненужностью бросил коробку с деньгами на стол, а потом и сумку. Чувствуется, он давно терзался от любопытства, отчего она так раздута. Разумеется, от денег...

Катюха сочла справедливым упрек своего приятеля и решила далее хранить молчание.

– Уезжаю из города, вот и пришла к Венчику с подарком пораньше. Ладно, пойду поговорю с вашими соседями, – произнесла я, засовывая сверток обратно в сумку. – Может, они знают, как найти Аякса. Но вы не беспокойтесь, я вам потом денежку занесу.

– Не надо ни с кем, кроме нас, разговаривать! – нарушила обет молчания Катерина. – Все равно никто больше нас с Саньком не знает.

– Это так, – подтвердил тот. – Ладно, задавай свои вопросы, только мы потом с тобой до банкомата дойдем.

– Договорились, – кивнула я и, прокрутив в голове свежую

информацию, спросила: – Венчик сразу согласился стать духовным наставником того человека?

– Нет, он думал сутки, а потом позвал нас к себе и сказал, что переезжает, а эти хоромы нам оставляет. Санек ведь в одной квартирке с мужиками жил, а я – со Светкой хромой.

– Можно было, конечно, Венчика раньше потеснить, но с ним под одной крышей жить – от скуки сдохнешь, – разоткровенничался Санек. – Он спиртное не уважает, зато байки свои по любому поводу рассказывает. Ладно бы анекдоты, от них хоть смешно, а в эти его сказочки со смыслом еще въехать нужно. А нам оно надо – голову свою ерундой всякой напрягать?

– Да, Венчик, конечно, редкий зануда, – согласилась со своим приятелем Катюха, – но у нас благодаря ему теперь есть свое семейное гнездышко. Венчик провиант раз в неделю нам привозит, одежду. Зима не за горами, а у меня почти новая шубка есть... Только бы нас отсюда не погнали!

– Аякс рассказывал вам что-нибудь о своей новой жизни? – поинтересовалась я.

– Сказал, что жительствоет он теперь за городом, в поселке Князево, что хозяева выделили ему комнату в огромном доме, питается он вместе с ними за одним столом, читает книжки всякие, с песиком, которого из люка вытащил, много времени проводит. Нога у кобелька зажила, да и сам он подрос, вот таким уже стал, – Катюха показала рукой уровень чуть выше табурета, на котором сидела, – но это для

той породы, по словам Венчика, не предел. Взрослые собаки с теленка ростом. Еще он сказал, что хозяйка очень милая женщина. Собственно, это все. Про себя Венчик мало говорил, когда приходил сюда, больше про кобеля. Дался он ему! Да нас расспрашивал, нет ли новостей о сносе дома. Переживал, как бы осенью на улицу не выгнали.

Санек кивнул, подтверждая, что все так и было. Информация, которую мне выдали об Аяксе бомжи, была не ахти какой ценной, но за нее все равно следовало заплатить. Мы прогулялись втроем до ближайшего банкомата, и я вознаградила Катюху и Санька за откровенность.

По дороге домой я не переставала думать о резком повороте в судьбе Аясова. Мне с трудом верилось, что он, презирающий богатых людей и комфортные условия жизни, довольствовался теперь участью приживалы в доме бизнесмена Бусыгина. Переезд Венчика в Князево больше походил на новое задание, с которым он успешно справился. Мое самолюбие было порядком уязвлено тем, что Аякс несколько лет водил меня за нос, искусно играя роль бомжа, отлынивающего от работы под видом того, что его кредо является угнетение своих физиологических потребностей и совершенствование духа.

Глава 2

Купив в алкомаркете бутылку коньяка, я вышла из магазина, села в машину и позвонила Володьке Кирьянову.

– Привет! Спешу выполнить свое обещание, – произнесла я на одном дыхании.

– Какое? – непонимающе уточнил мой приятель, полковник полиции.

– Владимир Сергеевич, ты что забыл? Я обещала презентовать тебе «Хеннесси», когда закончу расследование. Без тебя я так быстро не вышла бы на шантажиста. Так вот, вчера была поставлена последняя точка, а сегодня...

– Ты взялась за новое дело, а посему будешь звонить мне по десять раз на дню, чтобы пробить по базе данных новых фигурантов, – предположил Киря.

– Нет, новых заказов мне пока не поступало, и это хорошо. Я могу позволить себе взять небольшой отпуск, поскольку последний клиент оказался не жадным, что я от него, признаюсь тебе, никак не ожидала. Короче, я обещала тебе коньяк. Когда и где мне его передать?

– Смотри-ка, не забыла! Лады, привози свой презент прямо сейчас. Не знаю, как потом день сложится, но пока я на месте. Жду! – Володька отключил связь.

Минут через пятнадцать я сидела в кабинете Кирьянова. Мы перебрасывались с ним дружескими шутками. По-

том ему принесли распечатку чьей-то фотографии, я из любопытства взглянула на нее и не поверила своим глазам. В последнее время крайнее удивление стало посещать меня слишком часто, и это было не к добру.

– Что он натворил? – спросила я, старательно делая вид, будто это всего лишь дежурная фраза для поддержания дальнейшего разговора.

– Зарезал жену своего благодетеля, – Киря забрал у меня листок и уточнил: – Так, значит, ты не стала смотреть ту видеозапись? Или все-таки посмотрела?

– Только прелюдию.

– Ясно. – Владимир Сергеевич выдержал небольшую паузу, потом спросил: – Таня, ты ничего не хочешь мне сказать?

– Да точно, я не смотрела тот файл целиком! Оно мне надо?

– Я не про старое дело спрашиваю. Мне показалось, ты узнала этого человека, – Владимир Сергеевич ткнул пальцем в ориентировку.

– Тебе показалось.

– Возможно. Ладно, Таня, ты извини, мне надо набросать план мероприятий по поиску Аясова. Представляешь, бомж спас собаку самого Бусыгина, – Киря поднял глаза к потолку, демонстрируя, насколько велик статус этого человека, – та в люк провалилась, ногу сломала. Федор Петрович в знак благодарности приютил у себя в загородном доме этого бомжа, одел-обул его, а тот попытался изнасиловать супругу Федо-

ра Петровича. Виктория стала сопротивляться, и он ударил ее ножом в печень. Я думаю, надо дать объявление в СМИ. Бусыгин объявил вознаграждение за поимку Аясова. Такая мотивация работает безотказно, всегда найдется тот, кто за три сребренника продаст душу дьяволу. Ты со мной согласна?

– Не совсем. Что-то в твоей версии не вяжется. Один и тот же человек сначала спасает собаку, а потом кидается с ножом на женщину.

– И не такое бывает! Тебе ли, Таня, этого не знать! Да, решено! Покажем фотографию по телевизору, конечно, будет много ложных звонков, но мы их отсеем, – Кирьянов уткнулся глазами в раскрытую папку.

– Раз у тебя много работы, я пойду.

– Да, спасибо за презент. У меня как раз сейф опустел, работа нервная, стресс часто приходится снимать. Теперь вот есть чем. Ты звони, если что... – сказал полковник, не отрывая взгляда от бумаг. Когда я была уже около двери, он крикнул мне вдогонку: – Может, тебе ксерокопию фотографии убийцы сделать?

– Зачем? Маловероятно, что я его где-нибудь встречу.

– А ты сама поискать этого душегуба не хочешь? Вознаграждение не маленькое – три миллиона.

– Владимир Сергеевич, я частный детектив, а не охотник за головами.

– Знаю-знаю, у тебя принципы. Это я так спросил, на всякий случай.

– Пока, – бросила я на прощание, закрыв за собой дверь.

Час от часу не легче! Едва я свыклась с мыслью, что Венчик Аякс уже не бомж, а сенсей одного из самых состоятельных тарасовчан и, возможно, по совместительству агент под прикрытием, как снова происходит смена его статуса. Теперь он подозреваемый номер один в убийстве жены своего благодетеля. Однако последнее не отменяет предположение о том, что он внедренный сотрудник какой-то спецслужбы. Может, Бусыгина его раскрыла? Или целью Аякса была именно она? Последняя мысль заставила меня поежиться от внутреннего холода. Я доверяла этому человеку больше, чем себе. Он казался мне совершенно неспособным на злой, агрессивный поступок. У меня создалось устойчивое впечатление, что Венчик выше жизненной суеты, которая заставляет людей добиваться желаемого любой ценой, но, похоже, я ошибалась.

Кириянов был прав – если показать по телевидению фотографию убийцы и сопроводить ее сообщением о вознаграждении, обещанном за поимку преступника, полиции можно больше ничего не делать. Горожане станут вглядываться в лица всех встречных-поперечных, а доморощенные охотники за головами бросятся наперегонки друг с другом в битву за три обещанных миллиона.

Наверное, я смогла бы найти Венчика быстрее их всех, но не собиралась этого делать. Хотя бы из-за того, что этот человек много раз мне помогал с расследованиями, а платы за

свои услуги не брал. Те бургеры, которые мы уплетали с ним на кухне заброшенного дома, случайно оброненная там же купюра, одежда из секонд-хенда, выполняющая роль реквизита, – все это не в счет. Мне стало неловко, когда я представила себе, как на мои попытки накормить и приодеть реагировал человек, вовсе не являющийся нищим и бездомным.

Наверняка он считал их жалкими подачками и вынужденно принимал мои дары, лишь бы я его не рассекретила. Возможно, Венчик периодически выходил из образа лица без определенного места жительства, надевал нормальную одежду, до отвала ел и пил в ресторанах, встречался с женщинами.

Скорее всего, так и было, недаром вчера ничто не выдавало в Вениамине человека, который еще совсем недавно бомжевал. Странно, что Бусыгин не заметил, как быстро его сенсей, вытасченный из трущоб, приобщился к светскому образу жизни. Может, его супруга первой заподозрила неладное, за то и поплатилась жизнью?

«Все, хватит думать о Венчике! – одернула я себя. – Надо отдыхать по полной, пока не объявился новый заказчик».

Обычно между расследованиями я предавалась сумасшедшему шопингу и расслаблялась в SPA-салонах. В этот раз сработал сдерживающий фактор в виде синяка на скуле. Как я ни старалась его маскировать косметикой и прикрывать волосами, он все равно предательски обнаруживал себя.

Мне совершенно не хотелось придумывать какие-то неле-

тые истории, объясняющие его происхождение, и уж тем более раскрывать истинные обстоятельства произошедшего. Надо было просто немного подождать. Синяк в любом случае пройдет, тем более, для ускорения этого процесса я мазала его чудодейственным бальзамом по нескольку раз на дню.

Еще двое-трое суток, и тогда можно будет свободно посещать людные места, не боясь нарваться на жалостливый взгляд или неудобный вопрос.

Припарковав машину около дома, я зашла в подъезд, поднялась на лифте на свой этаж, подошла к двери и, почувствовав в воздухе едва уловимый знакомый запах, сказала:

– Здравствуй, Венчик! Выходи! Хватит прятаться за углом!

– Как ты догадалась, что я здесь? – спросил Аясов, вышедший из своего укрытия и остановившийся за моей спиной.

– Ты не поверишь, но по запаху, – честно призналась я. Открыв квартиру, я распахнула дверь, приглашая гостя зайти.

– Это – изюм, – сказал Вениамин, вынимая из кармана пакетик с сухофруктами. – Он моя слабость.

Я несколько раз видела раньше, что Аякс жевал изюм, но не придавала этому особого значения. Оказывается, аромат сушеного винограда стал прочно ассоциироваться в моей голове с Венчиком. Стоило мне почувствовать этот запах, как подсознание выдало – Аясов рядом.

– Заходи, – я произнесла вслух свое приглашение, пото-

му что неожиданный гость не спешил переступить порог моей квартиры.

– Таня, я должен тебе кое в чем признаться...

– Дома признаешься, – я втянула Венчика в свою прихожую, потому что услышала, как открывается соседняя дверь.

Он уже был несколько раз у меня в гостях – приносил информацию, которую я просила раздобыть для моих расследований. Было заметно, что чувствовал себя здесь Аякс тогда очень неуютно. Казалось, что он боялся осквернить своим потрепанным внешним видом мое благоустроенное жилище. Сегодня, несмотря на кардинальную смену имиджа в лучшую сторону, Венчик был так же нерешителен, как и прежде. Потоптавшись у двери, он вдруг сказал:

– Зря я сюда пришел. Мне лучше уйти. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы у тебя, Таня, возникли из-за меня проблемы.

– Нет, ты никуда не пойдешь! – тоном, не терпящим возражений, заявила я. – Проходи и рассказывай, что случилось?!

Венчик еще немного потоптался у порога, затем разулся и прошел в комнату.

– Даже не знаю, с чего начать, – замялся он.

– Ты пока подумай, а я сварю кофе, – я решила предоставить Венчику тайм-аут, давая возможность морально подготовиться к откровенному разговору.

Через несколько минут, когда я только перемолола зерна

арабики, он зашел на кухню и выдал мне то, что считал самым главным:

– Таня, меня подозревают в убийстве, но я тут ни при чем. Мне бы отсидеться у тебя до вечера. Как только стемнеет, я сразу уйду.

– А тебе есть куда идти? – уточнила я.

– Заброшенных мест в Тарасове много, первое время перекантуюсь в одном из них, а потом переберусь в другой город.

– И это все, что ты мне хотел сказать? – спросила я, не скрывая своего разочарования.

– Если честно, то не все. Я хотел попросить тебя, чтобы ты нашла того, кто убил Вику, но ты, наверное, сейчас занята другим расследованием, – заключил Аясов, вероятно, разглядев вблизи припудренный синяк на моем лице. Немного помявшись, он достал из кармана несколько купюр и положил их на стол: – Правда, денег у меня с собой немного.

– Во-первых, я сейчас свободна. Вчера закончила расследование. Во-вторых, ты мне столько раз помогал, что я просто обязана отплатить тебе тем же. Убери деньги, они тебе сейчас нужнее.

– Это расследование, если ты за него все-таки возьмешься, ничем не отличается от других. Я знаю, что ты не работаешь бесплатно, так возьми, пожалуйста, эти деньги в качестве аванса, я потом найду еще. Для меня это важно.

– Ладно, считай, что мы договорились. Я возьмусь за это

расследование, но при одном условии – ты мне расскажешь все-все-все, – я красноречиво оглядела своего гостя с головы до ног.

– Понимаю, я теперь выгляжу не так, как обычно. Но так уж вышло, – Венчик смущенно улыбнулся. – Я постараюсь все тебе, Таня, объяснить.

– Уж будь добр, – сказала я, разливая кофе по чашкам.

Мы сели за стол. С этой самой минуты Аякс перешел в новое качество, став моим клиентом. Сделав глоток обжигающего напитка, я отметила про себя, что он получился горьковатым. Все-таки приготовление кофе – это священный ритуал, и стоит только во время него отвлечься на посторонние дела, как это сразу отразится на результате, причем не в лучшую сторону.

Венчик пригубил кофе и стал рассказывать о том, как он спас щенка русской сторожевой, угодившего в канализационный люк. Я сознательно не стала предупреждать его, что мне уже кое о чем известно. Мой расчет был на то, что Аясов начнет свой рассказ с более ранних событий, тех, из-за которых он оказался на улице без средств к существованию. Мои надежды не оправдались. Отправной точкой повествования стало спасение породистого пса, принадлежащего «очень хорошему человеку». Именно так Венчик охарактеризовал Бусыгина. Он назвал его не владельцем строительной корпорации, не бизнесменом, не состоятельным человеком, а «очень хорошим».

– Он знает, зачем ему дана ложка с длинной ручкой, – загадочно произнес Аякс и, выдержав небольшую паузу, стал по своему обыкновению рассказывать притчу: – Один человек упал с лошади, ударился головой о камень, его душа вознеслась на небеса, но там к его появлению не были готовы. Ангелы с чертями разругались между собой, не зная, куда отправить новопреставленного – в ад или в рай. После длительных споров было решено дать ему возможность самому решать, что ближе. Для начала испытуемого привели в ад. То, что он увидел, никак не вязалось с его представлением об этом месте. Вместо котлов, в которых, как ему казалось, должны вариться грешники, наш тестируемый увидел длинный стол, уставленный различными кушаньями. По обеим сторонам того стола сидели грешники, лица которых были перекошены от непосильных мученических страданий. Приблизившись к ним, новопреставленный понял, в чем дело. У каждого грешника в руке была ложка с длиннющей ручкой. Они все зачерпывали своей ложкой вкусную еду, но до рта донести не могли – промахивались.

– Но ведь можно... – я решила вставить свою ремарку, но Венчик сделал мне жест рукой, и я замолчала.

– После этого его привели в рай. Он с порога увидел похожую картину, с той лишь разницей, что лица у всех сидящих за столом были довольные и счастливые. Подойдя ближе, наш испытуемый увидел, что каждый праведник зачерпывает своей ложкой с такой же длинной ручкой, как и у

грешников, еду, но в отличие от них даже не пытается поднести ее к своему рту, а кормит своего соседа по столу. В итоге все сыты и довольны.

Именно это я и хотела сказать, но Аякс не стал меня слушать.

– И какой же он сделал выбор? – спросила я для поддержания разговора.

– Ему не пришлось его делать. Мимо всадника, лежащего на земле, проезжал экипаж, в котором был лекарь. Тот его реанимировал. Федор обмолвился, что несколько лет назад у него была очень серьезная травма головы, и как следствие – клиническая смерть. Почти неделю он пробыл в коме, а потом пришел в себя в больнице. Уж не знаю, видел ли он что там, – Венчик поднял глаза к потолку, – когда душа временно покинула его тело. Об этом Федор мне не рассказывал, лишь заметил, что после того случая он многое переосмыслил в своей жизни. После этого его бизнес пошел в гору.

Я впервые слышала от Аякса эту притчу, возможно, он сам ее недавно придумал, познакомившись поближе с Бусыгиным. Выходило, что Федор Петрович и есть тот праведник, который кормит ближних со своей ложки, а Венчику было совсем не зазорно сидеть рядом с ним и открывать свой рот. Когда же я пыталась накормить его, он отнекивался и брыкался, потом все-таки соглашался. Только про меня Аясов не говорил, что я знаю, зачем мне нужна ложка с длинной ручкой.

– Поучительная история, – высказалась я, чтобы заполнить затянувшуюся паузу.

– Знаешь, Таня, если мне кто-то сказал бы, как изменится моя жизнь после знакомства с Федором, я бы не поверил. Но это случилось. Я пообщался с ним и понял, что нужен ему. Еще год-два, и среда, в которой он вынужден обитать, могла бы разучить его правильно пользоваться длинной ложкой. Федор тоже осознал это и сказал мне: «Вениамин, мы нужны друг другу. Этот дом скоро начнут разбирать. Из Москвы пришел ответ, что хозяйка последней неосвобожденной квартиры преставилась. С ее наследниками вопрос улажен. Неужели ты хочешь еще одну зиму мыкаться по чердакам и подвалам? У меня в Князево большой дом, половина его пустует, выберешь любую понравившуюся комнату, а если хочешь, можешь и друзей своих забрать. Крыша и койки для всех найдутся, и работа, если они захотят работать. А тебя я прошу быть моим, – Аякс немного помедлил, – консультантом». Федор говорил об этом без всякой жалости, без высокомерия, я просто не мог отказаться от его предложения. Еще меня подкупило то, что он не меня одного к себе звал, но и тех, с кем я в последнее время жил бок о бок. Я чувствовал, Федор не обманет, были только сомнения насчет его жены, но и она оказалась очень милой женщиной, чем-то на тебя, Таня, похожей.

– Еще кофе? – спросила я, не зная, как отреагировать на последнее замечание Венчика относительно того, что Вик-

тория была похожа на меня. По версии полиции он пытался ее изнасиловать, но получив отпор, пустил в ход острый кухонный нож.

– Нет, спасибо, – мотнул он головой из стороны в сторону. – Ума не приложу, кто ее мог убить. Она ладила со всеми – с прислугой, соседями, партнерами мужа. Гвидон к ней был очень привязан, это тот щенок, которого мне посчастливилось найти, а она – к нему.

– Как же случилось, что пес пропал и угодил в колодец, причем не в Князево, а на другом конце Тарасова?

– Вика поехала в город за покупками, взяла с собой Гвидона. На обратном пути она заехала за братом, тот и упустил щенка. Вика забежала еще в один магазин, а Костик стал выгуливать пса. Гвидон погнался за кошкой, Костик не смог его удержать, выронил поводок.

– Ясно, – кивнула я, удовлетворившись таким объяснением. – Насколько я понимаю, тебе на новом месте понравилось?

– Не все, были некоторые обстоятельства, с которыми мне пришлось мириться. Представляешь, Федор решил показать меня врачам! – Венчик поморщился, будто речь шла о чем-то унижительном. – Я отказался пойти в поликлинику, и тогда врачи стали приезжать на дом. Нашли они у меня какие-то болячки... А у кого их нет? Вот у самого Федора гастрит – болезнь всех ответственных людей. Лечи желудок – не лечи, все без толку, надо менять свое мировоззрение.

Я так ему и сказал, что нельзя принимать на себя ответственность за просчеты других, надо либо создавать условия для самосовершенствования подчиненных, либо прощаться с ними. Федор не сразу, но все-таки поверил мне. Я предупредил его, что не имеет никакого смысла капать мне в глаза капли, потому что они не помогут. Эта проблема пришла ко мне из прошлой жизни. Вероятно, я не умел прощать и справляться с обидами, мною одолевало сильное нежелание кого-то или что-то видеть. Чтобы справиться с этой проблемой, мне надо искренне захотеть открыто взглянуть на это, но я не могу, потому что ничего не помню.

– Да, я читала, что у каждой болезни есть своя психическая подоплека. Венчик, а ты откуда знаешь об этом?

– Это одно из тех немногих знаний, которые остались при мне, – явно поскромничал Венчик, который был ходячим сборником притч. – Для тебя, Таня, это не ново. А вот Федор отнесся к такой причинно-следственной связи с недоверием.

– Я его отчасти понимаю...

– Он поручил Вике контролировать, чтобы я закапывал в глаза лекарство по три раза на дню. Мне от этих капель только хуже было – никакой четкости в глазах, все расплывалось. Хорошо, что Вика не очень дотошно за этим следила, – Аякс таинственно улыбнулся.

Как мне ни было интересно, закапывал ли он вчера в глаза капли и не оттого ли не узнал меня в ресторане, или всего лишь сделал вид, что не узнал, я не стала спрашивать об

этом. Были вопросы поважнее.

– Венчик, почему подозрения в убийстве Виктории пали именно на тебя?

– Потому что сегодня утром, примерно через полчаса после того, как мы сидели за одним столом за завтраком, я нашел ее мертвой в столовой. Она лежала там на полу, лицом вниз. Увидев Вику, я решил, что она упала в обморок, наклонился, повернул ее и увидел нож, торчащий из живота. По моему, я инстинктивно дотронулся до рукоятки. Не успел я толком что-то сообразить, как за моей спиной раздался крик Лизоньки, домработницы. Она застала меня над телом хозяйки, подняла шум. Я понял: никто не поверит, что это не моих рук дело, и сбежал. Наверное, меня уже ищут.

– Скорее всего, – кивнула я. – Больше того, я думаю, что у каждого постового в кармане лежит распечатка твоей фотографии.

– Откуда ей взяться? – искренне удивился Аясов. – Меня никто не фотографировал.

– Наверняка в доме было видеонаблюдение.

– Было, – подтвердил Вениамин.

– Я знаю, как полиция поступает в таких случаях. Она просматривает записи, находит удачный кадр, такой, чтобы лицо было в анфас и как можно ближе к камере, и распечатывает его. (Мне пришлось утаить, что я уже видела подобный скриншот в кабинете Кирьянова. Сразу не призналась, что в курсе, почему он сюда пришел, не следовало это делать

и теперь.) – Будем надеяться, что настоящий убийца тоже попал в фокус видеокамеры. Венчик, ты должен вспомнить и назвать мне всех, кто на тот момент был в доме и где приблизительно находился. Сможешь?

– Постараюсь, – Аякс задумался. – В тот день Федор уехал из дома рано, часа за полтора до произошедшего. Его за завтраком с нами не было. Охранники к тому времени уже сменились. Вся прислуга была на месте. В одном я уверен: Соня – это повариха, точно не могла убить Вику. Сразу после завтрака мы с Сонюшкой вместе вышли из столовой. Нам было по пути, я пошел к себе через сад, а она – в теплицу. Мне было видно из окна, что она все время находилась там. Потом я вспомнил, что не взял изюм, и решил вернуться за ним. Соня все еще собирала овощи.

– Давай вернемся немного назад. Скажи, вы с Соней последние выходили из столовой после завтрака?

– Нет, Вика там оставалась. Она делает... делала, – поправился Венчик, – такие замечательные поделки из скрученных бумажных полосок. Как я понял, она накануне закончила очередную работу и раздумывала, куда бы повесить панно. На нем были изображены яблоки.

– Ясно, сюжет вполне подходящий для столовой. А кроме нее еще кто-то оставался там?

– Нет. Лиза, домработница, завтракает дома, обедает и ужинает у Бусыгиных. Ночует она дома, у нее «Матиз», такой же красный, как и твой «Ситроен». На нем она и при-

езжает в Князево из Тарасова. А вот Соня живет там. Она сама из райцентра, приехала в Тарасов на заработки – нашла по объявлению работу на стройке, но в отделе кадров узнали, что у нее диплом кулинарного колледжа, и предложили поработать по специальности. Это еще два года назад было. А вот Лиза, насколько мне известно, не очень давно у Бусыгиных работает, может, месяца три-четыре. Иногда она по Сониному заказу продукты в гипермаркете покупает и привозит на своей машине. В этом случае она немного задерживается, но в тот день она приехала к восьми. Пока мы были в столовой, Соня убиралась на втором этаже. Охранники в дом редко заходят, если только Федор кого-то из них позывает. У них есть небольшой домик у ворот, там они и сидят – в компьютер глядят. Иногда по периметру участка проходят.

– Сколько охранников в смене?

– Двое, но к дому только один приставлен, второй постоянно при Федоре, он совмещает обязанности водителя и телохранителя. Если Бусыгин дома, то его телохранитель сидит там же, у ворот. Сонечка им еду туда – носит.

– Еще прислуга есть?

– На постоянной основе – нет. Но Бусыгины иногда нанимают работников для какого-то конкретного дела. При мне бассейн чистили, проводку чинили... Вспомнил! Костик, Викин брат, скорее всего, был в доме. Он иногда ночует у Бусыгиных, вот как раз в ту ночь Константин был в Князево. Общаясь с ним вечером, я понял, что он никуда уез-

жать не собирается, но за завтраком его не было. Впрочем, это совсем не удивительно. Костик обычно поздно встает. Да, вот еще что! Когда я перелезил через забор, то сверху увидел около ворот машину Ксении, Викиной подруги. Возможно, она приехала, когда та была уже мертва. А может, и раньше. Пожалуй, это все.

– Венчик, а ты сам как думаешь, кто мог убить Вику и за что? – поинтересовалась я, внимательно наблюдая за его реакцией.

– Не знаю. Если бы мне сказали, что Викторию убили, я бы в это не поверил. Ее все любили, она общалась с прислугой на равных, в бизнес мужа не лезла, как и в дела службы безопасности. С соседями ладила, брату помогала. Вот ее подружка могла прикрикнуть на домработницу, пристыдить Костика за то, что тот пьет и не работает. Меня она побаивалась, поэтому в лицо ничего не высказывала. Я слышал, как Вика не раз говорила ей: «Ксюша, ты слишком строга к людям, будь проще».

– Значит, брат убитой – нигде не работающий алкоголик, который живет за счет Бусыгиных, – сделав вслух такой вывод, я запоздало поняла, что мои слова могли задеть Аясова, ведь он тоже не работал и по существу последний месяц находился на иждивении у Федора. Однако Венчик пропустил мое замечание мимо ушей – он со всей невозмутимостью жевал изюм, по ягодке доставая его из своего пакетика и отправляя в рот.

– У меня появилась версия, – сказал он, убрав пакет с остатками сухофруктов в карман. – Как-то я подслушал разговор Сонечки с Лизонькой о том, что Ксения неровно дышит к Федору, а Вика настолько наивна, что ни о чем не догадывается. Таня, а что, если Ксения решила устранить соперницу?

– Вполне возможно. А что ты скажешь о Костике? Что он за человек?

– Свободный художник, рисует картины, продает, иногда очень выгодно. Но вдохновение к нему приходит не часто. После нашего первого знакомства он нарисовал меня в образе старца, бредущего по пустыне. Мне понравилось. Нет, не мой портрет, там даже лица толком не видно было, а сама идея. Константин меня еще очень мало знал, мы с ним всего один раз по душам разговаривали. Однако он смог точно передать то, что я сам не знаю, откуда иду, но получаю удовольствие от каждого шага.

– Ты действительно не знаешь, откуда идешь? – спросила я, предполагая, что услышу очередную притчу.

– Разве я не рассказывал тебе, Таня, что до определенного момента своей жизни ничего не помню о себе? – уточнил Аякс.

– Нет.

– Однажды я проснулся в парке на скамейке и понял, что вся моя жизнь – это книга с чистыми страницами. Я знал, что этот город называется Тарасов, что стоит он на Волге, а

напротив него другой город – Покровск. Мне несложно было найти дорогу из горпарка до железнодорожного вокзала или Крытого рынка. Но я абсолютно не представлял себе, где мой дом, есть ли у меня семья, – несмотря на красноречивые паузы и тон заправского сказителя, я поняла, что слышу в этот раз из уст Венчика не притчу, а быль.

– Но ты же показывал мне свой паспорт, – вспомнила я. – Он при тебе был, когда ты проснулся?

– Нет. Я не знал, куда мне идти, поэтому ночевал, где придется. Однажды я попал в полицию за то, что ночевал в парке на скамейке. В отделении я не смог назвать свое имя, просто не помнил его, но мне не поверили. Почти сутки я просидел в обезьяннике, потом мне вручили мой паспорт с наезданием больше не терять его и выпроводили восвояси.

– погоди, а паспорт был именно в том отделении полиции, в которое тебя доставили?

– Нет. Как я понял, еще раньше кто-то нашел его и отдал участковому по месту моей прописки. Задержали меня в другом районе, проверили, так сказать, мою личность и обнаружили, что я похож на человека, чья фотография была в найденном паспорте. Открыл я ту книжицу, посмотрел на фото, прочитал имя, а внутри меня ничего не екнуло. Будто не мой-то паспорт был! Вышел я с ним из отделения полиции и побрел по улице. По дороге, помню, остановился около зеркальной витрины магазина, присмотрелся к своему отражению, а потом к тому, кто из паспорта на меня глядел.

Определенное сходство было. Только фамилия, имя, отчество мне ни о чем не говорили. Будто они и не мои вовсе. Это потом я мало-помалу привык к ним и стал откликаться на имя Веня, Вениамин, Венчик.

– А по месту прописки ты ходил?

– Ходил, – кивнул Аясов, – но только там дома не было, один котлован. Жители соседних домов меня не признали, как и я их. Несколько дней я приходил туда снова и снова, надеясь что-то или кого-то вспомнить, но все без толку. Потом я перестал бывать на Перспективном проспекте.

– Венчик, почему ты раньше ничего мне про это не рассказывал? Я могла бы навести справки.

– Зачем? Я понял, что моя жизнь – это дорога, и идти по ней надо только вперед. Сейчас я рассказал тебе об этом, только лишь потому, что речь зашла о Костике. Все его считают бесталанным пьяницей, но это не так. Он – гений, а гении всегда бедны. Богатство, роскошь пресыщают, не позволяя самовыражаться в творчестве. Вот Костик и спешил потратить все деньги, вырученные от продаж своих картин, на алкоголь.

– А почему тогда, оставшись без копейки, он приезжал к Бусыгиным, а не творил у себя на голодный желудок?

– Так это Вика очень переживала за брата и настаивала на том, чтобы он жил в Князево.

– То есть сестра своей чрезмерной опекой мешала Костик у творить, самовыражаться. Чем это не мотив? – размыш-

ляла я вслух, но Венчику ход моих мыслей не понравился. Он покачал головой из стороны в сторону, давая мне понять, что эта версия никуда не годится.

Однако я не спешила сбрасывать ее со счетов, для меня она была равноценной с той, что родилась с подачи самого Аякса. Как бы то ни было, но появление в бусыгинском доме нового человека могло спровоцировать кого-то на убийство Виктории. Даже если бы не Венчик первым нашел ее окровавленный труп, все равно подозрение пало бы на него. Или же это он убил хозяйку? Пока Аясов ничем не выдал своей причастности к этому преступлению, но он мог быть очень хорошим актером. Работать под прикрытием без этого качества просто невозможно. Или я ошибаюсь? Может, у него действительно амнезия, по этой причине он и оказался на улице? Надо будет выяснить все про адрес, указанный в его паспорте.

– Таня, дашь мне свой мобильный? Я хочу поговорить с Федором, объяснить ему, что это не я...

– Это не слишком хорошая идея, – теперь уже я мотнула головой из стороны в сторону, – а если быть точнее, то очень плохая.

– Почему? Федор очень хороший человек, он обязательно меня выслушает и постарается понять.

– Когда я ехала домой, то слушала в машине радио. В новостях сказали, что убита жена бизнесмена Бусыгина. Он объявил серьезное вознаграждение за поимку преступника,

которого сам же привел в дом. Я тогда и подумать не могла, что ты можешь быть втянут в эту историю. Даже когда я почувствовала твое присутствие в подъезде, не связала одно с другим, – беззастенчиво соврала я. – Только потом, когда ты назвал фамилию, я вспомнила об этом объявлении. Венчик, просто поверь мне на слово – тебе не надо звонить Бусыгину. Если он и станет тебя слушать, то лишь для того, чтобы полиция смогла определить по сигналу мобильного твое местонахождение.

– Зря я сюда пришел. Меня могли видеть твои соседи. Меньше всего я хотел, чтобы у тебя были из-за меня неприятности, – в очередной раз повторил Аясов. – Уже начинает смеркаться, я скоро уйду.

– Да, уйдешь, – подтвердила я, – только я сначала изменю твою внешность, а потом собственноручно отвезу тебя на свою конспиративную квартиру. Будешь безвылазно сидеть там, пока я не найду убийцу Виктории. Кое-какой запас провианта там имеется, но я буду периодически привозить тебе свежий хлеб, изюм, раз уж ты его так любишь. Кстати, там целый шкаф с книжками, так что скучать тебе не придется.

– Вот за это спасибо, – Венчик благодарственно склонил голову.

* * *

Задача сделать Аясова неузнаваемым была не из простых.

За последний месяц его внешность и так претерпела серьезные изменения – торчащие в разные стороны седые волосы были аккуратно подстрижены, борода сбрита, грязная рваная одежда с чужого плеча заменена на новую, которая была Венчику впору, потому что была куплена специально для него.

В силу моей профессии я частенько меняла образы, причем иногда перевоплощалась в мужчину. Покопавшись в своем шкафу, я нашла мужской спортивный костюм и даже кроссовки на два размера больше моего собственного.

– Примерь обувь, – попросила я Аякса.

– Пожалуй, маловаты будут, – сказал тот, попытавшись на глаз определить размер. Через короткую паузу Венчик добавил: – Давай, мне не привыкать. Не впервой носить тесную обувку, можно стельки вынуть... Знаешь, а они мне как раз!

– Костюм точно подойдет! Футболку я тебе подберу. Самое главное изменить лицо. – Я стала пристально в него всматриваться, пытаясь придумать промежуточный образ от Венчика-бомжа до Вениамина-сенсея. – Как ты смотришь на то, чтобы стать брюнетом с усами?

Аясов скептически пожал плечами, но меня его мнение мало интересовало. Я уже видела своего гостя в этом образе. В моей коллекции париков как раз был один очень короткий, под мальчика. Пока Венчик переодевался в ванной комнате, я искала этот парик. Поскольку давно им не пользовалась, то уже и не помнила, куда убрала его. Оказалось, что он лежал

в мужской сумке с одной длинной ручкой через плечо, которую я приобрела для того же образа. Зашел Аякс, и я подала ему парик. Тот надел его на голову и вопросительно уставился на меня. Я отрицательно покачала головой, поскольку парик на нем выглядел именно как парик, а не как натуральные волосы, и это сразу же бросалось в глаза. Немного подумав, я отправилась в прихожую за бейсболками. Перемерив несколько штук, мы нашли оптимальный вариант – джинсовую с длинным козырьком. Осталось приклеить усы.

Искусство перевоплощения ради конспирации было мне не в новинку, но вот Венчик, как ни странно, оказался капризной моделью. До поры до времени он нехотя, но все-таки со всем соглашался, но когда дело дошло до приклеивания усов, он стал отчаянно сопротивляться. Сначала ему категорически не нравилась ни одна форма. Потом, когда мы нашли более или менее подходящий вариант, он стал наотрез отказываться от моего дальнейшего участия в его преображении. Не сразу, но я все-таки поняла, в чем дело – Вениамин не хотел, чтобы мои руки прикасались к его лицу. Пришлось объяснить ему технологию и отойти в сторону. Аякс стал самостоятельно приклеивать себе под нос небольшие усики в виде «щеточки», но сделал это криво. Мне поневоле пришлось исправлять этот недочет. Встретившись с глазами Венчика в зеркале, я поняла, что никогда прежде не видела такого взгляда. В нем была похоть. Это было нормально, гораздо более противоестественным казалось то, что все го-

ды своих мытарств и скитаний этот еще совсем не старый мужчина обходился без женщин. В моей голове мелькнула пугающая мысль о том, что Аякс действительно пытался изнасиловать Вику, но она стала сопротивляться, и он в пылу неконтролируемой страсти схватился за нож.

– Таня, отойди от меня, я сам все исправлю, – глухо проговорил Вениамин, при этом в его глазах блеснули бесовские огоньки.

Я отошла, дабы не продолжать вводить своего гостя в искушение. Он добавил на лицо щетины, в итоге форма усов стала уже не той, что мы изначально планировали. Однако конечный результат оказался даже лучше, чем я ожидала. «Растительность» на лице Венчика стала завершающим штрихом в кардинальной смене его имиджа.

К этому времени на улице как раз стемнело, и мы с Аясовым поочередно вышли из дома. Сначала – он, а потом – я. Пройдя через два двора, Вениамин остановился у проезжей части дороги, где я его и подхватила.

Какое-то время мы ехали молча, потом я спросила:

– Венчик, а у тебя еще случались провалы в памяти?

– Почему ты об этом спрашиваешь? – настороженно уточнил мой пассажир, будто догадался, к чему я клоню.

Последний час меня назойливо одолевала мысль о том, что Аясов мог убить Викторию и не помнить этого. В моей детективной практике были подобные случаи. Память очень коварна и до конца не изучена, но одно известно наверняка:

она способна охранять сознание от негативной информации. В итоге человек живет в счастливом неведении того, что он натворил и какие статьи уголовного кодекса по нему плачут.

– Я подумала, что потом, когда все закончится, когда я найду настоящего убийцу, тебе было бы неплохо показаться хорошему специалисту, – я попыталась хоть как-то оправдать свой интерес.

– Федор приглашал ко мне лучшего психиатра Тарасова. Не знаю, действительно ли он лучший, или такой же как все остальные, только он сказал, что медицина в моем случае бессильна. Память может ко мне вернуться сама, если мне это будет необходимо. Знаешь, Таня, первое время я хотел все вспомнить, а теперь не хочу.

– А как же твое зрение? Ты сказал, что невозможно восстановить его, не зная, что или кого ты не желал прежде видеть. – Мой вопрос остался без ответа. Венчик молчал, пристыженно опустив голову. Я стала мысленно ругать себя за то, что поставила своего пассажира в неловкое положение: – Мы почти приехали. Я высажу тебя здесь, а сама заеду во двор. Подъезд второй, код – семьсот восемьдесят шесть, этаж пятый, квартира прямо напротив лифта. Венчик, только не вздумай исчезнуть! Не давай никому шанса сделать из тебя козла отпущения!

– Куда ж я денусь! – с этими словами Аясов покинул салон моего «Ситроена».

Несколько секунд я смотрела ему вслед и мысленно гор-

дилась тем, что смогла сделать его неузнаваемым. Потом ко мне вернулись мрачные мысли о том, что я, возможно, помогаю скрываться преступнику. Но самое противное во всем этом было то, что Венчик, похоже, догадался о моих подозрениях.

Я ждала его в квартире, о которой не знал ни один из моих приятелей-полицейских, уже минут двадцать. Когда пришло осознание, что ждать больше не имеет смысла, раздался звонок в дверь.

– Наконец-то, – сказала я, впуская мужчину в спортивном костюме. – Куда ты запропастился?

– Во дворе стояла полицейская машина, вот я и не решался зайти, ждал, когда она – уедет.

– Венчик, мой сосед с верхнего этажа работает в ГИБДД. Похоже, он приезжал домой поужинать. Веди себя естественно, если снова увидишь его здесь. Впрочем, тебе лучше не выходить из дома. Мы это с тобой уже обсуждали. Короче, располагайся, чувствуй себя как дома. Я буду тебя навещать. Каждый день не обещаю, как пойдет расследование. Могу замотаться.

– Понимаю, – кивнул Аякс. – Таня, спасибо тебе за то, что не испугалась меня приютить и взялась за поиски того, кто убил Вику.

– Как же я могла тебе отказать? Ты мне столько раз помогал!

– Для меня твои задания не были опасными, а вот я под-

вергаю тебя риску. Это не по-мужски, – Вениамин замолчал, продолжая смотреть мне прямо в глаза. Мы стояли так близко друг к другу, что я слышала его прерывистое дыхание.

– Это расследование не более опасное, чем все предыдущие. Я пойду. На столе лежит мобильный, если случится что-то экстраординарное, звони. Мой номер, я надеюсь, ты не забыл?

– Помню, – подтвердил Венчик.

– Пока! – Я развернулась и шагнула к двери.

– И ты звони мне, Таня, – в голосе Аякса послышались новые, до сих пор не слышанные мною нотки.

– Да, конечно, – пообещала я напоследок.

«Это какой-то бред, – думала я, спускаясь в лифте. – Еще вчера утром я и представить себе не могла, с какой скоростью будет меняться статус Венчика. Из бомжа он превратился в приближенного бизнесмена, его духовного наставника. Затем я решила, что он работает под прикрытием. После узнала, что Аясов – подозреваемый в убийстве. Он сам утверждает, что является жертвой обстоятельств. Продолжатся ли эти метаморфозы, и если да, то кем он станет завтра?» Я все еще была под впечатлением от его взгляда.

Выйдя на улицу, я постаралась оставить все личное за дверью. Мое давнее знакомство с Аяксом мешало мне беспристрастно оценить ситуацию, в которой он оказался. Усилим воли я попыталась абстрагироваться от фигуры Венчика, но это было нелегко. Какую бы версию я ни пыталась стро-

ить, она все равно прямо или косвенно сводилась к Аясову. К уже существующим двум версиям о том, что к убийству Вики могут быть причастны ее брат и подруга, добавилась та, согласно которой вина ложилась на Федора.

Как бы Венчик ни нахваливал Бусыгина, я не услышала от него ни одного стоящего аргумента в защиту этого человека. На супругов всегда ложатся первые подозрения, ибо в большинстве случаев именно они являются наследниками, а значит, имеют имущественный и денежный мотив. Детей, насколько я поняла, у Бусыгиных не было, они относились к Гвидону, как к члену семьи, своему ребенку. Но собака, какая бы умная и преданная она ни была, все равно остается собакой. А как же наследники? Может, Бусыгину было проще убить жену, не сумевшую за десять лет брака родить ему ребенка, чем развестись с ней? Не для того ли он привел в дом бомжа, чтобы подставить его? Действительно, зачем Федору понадобился Венчик? В качестве гуру, сенсея. Это было красивое объяснение того, зачем бизнесмен привел в дом оборванца, то и дело вставляющего в свои речи притчи, но мне в него не слишком верилось. Для того чтобы духовно подпитываться от Венчика, вовсе не обязательно было селить его в своем доме, достаточно было периодически встречаться с ним на нейтральной территории.

Если Бусыгин считал Венчика едва ли не святым, то почему он сразу поверил в его виновность и назначил за поимку своего сенсея огромное вознаграждение? Такой поступок

очень похож на желание направить официальное следствие по ложному пути, убедив, что убийца – сто процентов тот, кого он пригрел, приодел и даже попытался подлечить.

Федор явно был неглупым человеком, если сумел создать крепкую строительную компанию, обойдя многих конкурентов. Он вполне был способен все заранее просчитать и в своей личной жизни. Судьба свела его с Венчиком, и в мозгу бизнесмена родилась идея, как переложить груз ответственности на бомжа. Меня нисколько не смущало, что, по словам Аясова, на момент убийства Федора не было дома. Он мог нанять киллера, которого тайком впустил в дом, либо тот был туда вхож, например, это мог быть кто-то из охраны или прислуги.

Уже дома я вернулась для порядка к предыдущим версиям. Венчик бросил тень подозрения на Ксению. Даже если она на самом деле имела виды на супруга своей подружки, то вряд ли бы она стала ее убивать, тем более таким кровавым способом. Всадить перо в печень – это абсолютно не женский почерк. Чтобы устранить соперницу, женщины, как правило, действуют при помощи искусного оболъщения и многоходовых интриг. В крайнем случае они используют яд, обычно длительного действия, чтобы на момент смерти жертвы находиться в другом месте. Чем дальше, тем лучше. Если на минуточку допустить, что убийца все-таки Ксения, то она все сделала с точностью до наоборот – никакого коварства с ее стороны, жестокий метод убийства, а главное –

отсутствие заботы о своем алиби.

Размышления над этой версией не заняли у меня много времени, мои мысли перескочили с подружки убитой на ее брата. Венчик защищал Костика, оправдывающего свое ничегонеделанье поиском вдохновения на дне рюмки. По большому счету Аясов и сам был не охоч до работы. Имея на руках паспорт, он мог бы трудоустроиться на какую-нибудь малоквалифицированную работу, но он предпочел лазить по мусоркам в поисках необходимого продуктового минимума, позволяющего хоть как-то существовать. Прикрываясь принципами, не позволяющими работать на чужого дядю, он предавался философии. Или Аякс все-таки не тот, за кого себя выдает?

«Хватит про Венчика!» – одернула я себя и продолжила анализировать, могла ли Костику быть выгодна смерть сестры. Да, Вика ругала его за пьянство, но она не отвергала его, а привечала его у себя даже после того, как он потерял Гвидона и едва не обрек бусыгинского любимца на смерть. Кстати, не собственноручно ли Костик сбросил песика в канализационный люк? Зачем? Да хотя бы из ревности, поскольку сестра носилась с Гвидоном, как с писаной торбой. Именно так утверждал Аякс.

Меня вдруг осенила мысль, что от собак избавляются для того, чтобы они не мешали совершению преступления. Возможно, Константин давно замыслил убийство сестры, избавился от пса, постоянно вертящегося под ногами, но не успел

совершить задуманное сразу. Потом в доме появился новый человек, и в одурманенном алкоголем мозгу свободного художника родилась мысль подставить его. Основа этой версии казалась мне вполне крепкой, но Аясов ее раскритиковал. Он считал Костика чрезвычайно талантливым, а потому не способным на убийство. Вероятно, он забыл, что есть немало подтверждений тому, что гений и злодейство прекрасно уживаются в одном человеке.

Справедливости ради я была вынуждена признать, что убить Вику имел возможность любой человек из охраны или прислуги, находившийся в доме. Кроме того, там мог оказаться кто-то совершенно посторонний. Виктория могла стать случайной жертвой, но я также не исключала, что она вела свою тайную жизнь и спровоцировала кого-то на преступление.

Версий было много, уже завтра я собиралась начать проверять их. Моя работа осложнялась тем, что пострадавшая сторона, как принято говорить в таких случаях, меня не нанимала. Я не имела возможности прийти в дом Бусыгина, осмотреть место преступления, открыто опросить свидетелей, познакомиться с записями видеокамер. Мне предстояло добывать информацию косвенным путем, но это было для меня не ново.

Глава 3

Я еще завтракала, когда раздался звонок в дверь. Первое, что мне пришло в голову, – это кто-то из соседей, поскольку звонили непосредственно в дверь моей квартиры, а не с улицы через домофон. Посмотрев в глазок, я увидела Володьку Кирьянова. Прежде чем открыть ему, я повернулась к зеркалу. Синяк стал намного бледнее, чем вчера, но все еще был заметен. Времени на макияж не было. Киря нетерпеливо нажимал на кнопку звонка. Распустив собранные в хвостик волосы, я прикрыла ими левую скулу, а затем стала открывать замок.

– Здравствуй, Танюша! – по-свойски произнес Владимир Сергеевич, намереваясь зайти, но я стояла на пороге, удивляясь неожиданному визиту и не спеша впускать гостя в дом. – Кофейком угостишь?

– Ты пришел ко мне позавтракать? Неужели жена из дома выгнала?

– Зинаида на такое не способна. Просто проезжал мимо, решил остановиться, подняться к тебе и потолковать кое о чем. Так я зайду? – Киря стал всматриваться в глубину квартиры. – Или ты не одна?

– Может, и не одна, – загадочно произнесла я. – У тебя есть какие-то возражения?

– То есть ты меня непустишь? – уточнил Володька.

– Отчего же? Заходи! Но в следующий раз предупреждай заранее, если соберешься ко мне на завтрак, – я наконец посторонилась, впуская утреннего гостя.

– Прости, Танюша, это получилось спонтанно, – стал оправдываться Кирьянов, заглядывая в мою спальню, потом в гостиную. – Я руки помою?

– Да, конечно, – не возражала я.

Через несколько минут Киря зашел на кухню. Выражение лица у него было крайне разочарованное, и вряд ли причиной тому было то, что я еще не успела сварить новую порцию кофе.

– Признаюсь тебе, Танечка, – сказал он, усевшись за барную стойку, – я был почти уверен, что ты не одна. Он что, ушел от тебя с первым лучом солнца?

– Похоже на сцену ревности. Но ты, Владимир Сергеевич, не тот человек, который должен мне ее устраивать. Ты мне не муж и даже не любовник, – не без сарказма заметила я.

– Это так. Но ведь ты, Таня, прекрасно понимаешь, что ревность тут совсем ни при чем. Скажи, где ты его спрятала?

– Кого? – я непонимающе воззрилась на полковника полиции. У меня даже кофе стал убегать из джезвы, пока я хлопала еще не покрашенными ресницами, глядя на своего раннего гостя.

– Ты действительно не понимаешь, по какому поводу я здесь, или прикидываешься?

– Володя, хватит загадок! Говори прямо, что случилось?

– Я полдня вчера вспоминал, где слышал такую фамилию – Аясов. Под вечер меня все-таки осенило. Несколько лет назад ты, Танюша, просила меня навести о нем справки, говорила, что он бомжует, но при этом у него имеется паспорт. Этот человек вроде помогал тебе с расследованиями, и тебе хотелось сделать для него что-то хорошее взамен. Сделала?

– Я пыталась, но он категорически отказался от моей помощи. Сказал, что его все устраивает в этой жизни.

– Допустим. А почему ты вчера не призналась мне, что узнала его по ориентировке?

– Человек с фотографии не был похож на Венчика, разве что отдаленно.

– Согласен, на лицо без определенного места жительства он уже не похож. Но ведь ты, Таня, – Киря назвал меня по имени, но в лицо мне не смотрел, осознавая, что обвинять меня в чем-то противозаконном в моем же доме с моей чашкой кофе в руках это не слишком деликатно, – как выяснилось, к тому времени уже знала, что Вениамин Русланович Аясов больше не мыкается по заброшенным домам, а живет у самого Бусыгина.

Я быстренько прокрутила в уме, откуда Володке это стало известно, и поняла, что меня сдали приятели Венчика – Санек и Катюха.

– Ладно, я расскажу все, как было. – Мне не пришлось что-то придумывать, дабы Кирьянов мне поверил. Я напомнила ему о том, что позавчера встречалась в ресторане со

своим клиентом, и добавила, что видела там человека, похожего на Венчика. – Понимаешь, Владимир Сергеевич, я на девяносто девять процентов была уверена, что обозналась. Но один процент сомнений все-таки оставался, поэтому я решила заехать в Казачий тупик.

– Откуда ты знала, что Аясов, до того, как переехал в Князево, жил там?

– Что за тон? Ты мне еще повестку выпиши и допроси под протокол! – я сделала вид, что обиделась.

– Таня, если бы я хотел, то выписал бы повестку, но я пришел поговорить с тобой как друг. Кстати, ты готовишь отличный кофе! Моя Зина так не умеет. Можно повторить? – Кирьянов поспешил вернуть наш разговор в дружеское русло.

Я налила еще чашечку кофе, а потом все же ответила на его вопрос:

– Пару месяцев назад я встретила его в восьмом микрорайоне, мы разговорились, и он сказал, что живет в расселенной двухэтажке. Она там одна, мне нетрудно было ее найти.

– Понятно. А как ты вообще с ним познакомилась? – Кирья стал копать еще глубже.

– Мне нужен был тот, кто мог бы приглядывать за домом, оставаясь незаметным. Я хотела поручить эту миссию бабушкам, с утра до вечера сидящим на скамейке во дворе. Но потом, когда я увидела Венчика, копошащегося в мусорном контейнере, в мою голову пришла идея получше. Я по-

дошла к нему, мы разговорились... Да что ты, не знаешь, как вербуют агентов? – подколола я своего приятеля.

– Берут на «крючок».

– Это вы, опера, сажаете на крючок, а мы, частные детективы, предлагаем выгодную работу.

– Мы тоже платим своим осведомителям... Ладно, а что было дальше?

– Венчик прекрасно справился с первым заданием.

– Я не про это. Ты пришла ко мне, выяснила, что мы уже ищем Аясова, и что сделала дальше? Куда спрятала подозреваемого? – мой гость снова съехал с рельсов дружеской беседы.

– Мы с ним не виделись уже месяца два, – соврала я.

– Seriously, что ли? – Кирьянов был на грани того, чтобы поверить мне, но пока не поверил. Значит, я была недостаточно убедительной. – И куда же он тогда мог деться? В людном месте его бы сразу узнали – по местному ТВ-каналу ролик с фотографией Аясова крутят каждые полчаса. Бусыгин не поскупился ни на вознаграждение тому, кто даст информацию о местонахождении преступника, ни на оплату эфирного времени. У каждого сотрудника полиции в мобильный закачана фотография Аясова, на всех вокзалах работают оперативники. Участковые облазили все чердаки и подвалы в городе – Аясова нигде нет. Таня, ты, должно быть, неплохо знаешь его. Скажи, куда, по-твоему, он мог деться?

Этот вопрос по сути являлся проверочным. По тому, как

я отреагирую на него и что отвечу, Кирия наверняка рассчитывал понять, откровенна ли я с ним. Он слишком хорошо меня знал, поэтому мог легко распознать фальшивую наигранность. Я не стала делать умное лицо, изображая напряженную работу мысли, а приступила к опросу:

– У Венчика могли быть с собой деньги? И если были, то о какой сумме может идти речь?

Именно так бы я поступила, если бы не знала, где в данный момент находится Аякс. Владимир Сергеевич едва заметно кивнул, за этим невербальным знаком стояло примерно следующее: «Так, похоже, она действительно ничего не знает».

– Бусыгин сказал, что как раз накануне он дал ему десять тысяч на покупку продуктов и лекарств для его дружков, оставшихся в Казачьем тупике. До этого он ему еще денег подкидывал, точные суммы он не называл, но вряд ли они превышали последнюю.

– Раз так, то Аякса, скорее всего, уже нет в городе. Вероятно, он из Князево и не приезжал в Тарасов. Вышел на трассу и автостопом отправился в соседнюю область, где его не будут искать так усердно, как здесь. Да, думаю, он именно так поступил, – с абсолютной уверенностью подытожила я.

– Похоже, мы его недооценили. Надо будет пробить его фото по системе распознавания лиц. Восточное направление мы совсем не рассматривали, – признался в своем промахе начальник городских оперов.

– Странно от тебя, Владимир Сергеевич, это слышать. Конечно, если ты решил, что Аякс сразу из Князево ко мне направился, – подколола я своего приятеля, – тогда это все объясняет.

– Не в тебе, Таня, дело, просто трасса, которая идет в сторону Урала, мало загружена, Аясову же, по моему разумению, надо было быстрее затеряться среди людей. Однако он оказался не так прост. Ладно, Танюша, я, пожалуй, пойду, – Володька вылез из-за стола. – Спасибо еще раз за кофе.

– Не за что.

Кириянов дошел до двери, потоптался около нее, а потом уточнил:

– Скажи, Аясов стал бы так действовать и в том, и в другом случае? Я имею в виду, если он убивал Бусыгину, и если не делал этого?

– Однажды Венчик сказал мне, что смысл его жизни в пути. Зачем ему было оставаться здесь, даже если он не виновен?

– Не знаю. Мне его психологический портрет пока до конца не ясен.

– А другие версии у тебя хоть есть? – по-дружески поинтересовалась я.

– Есть, – кивнул Кирия. Вместо того чтобы открывать дверь, он стал тянуть время, хлопая себя по карманам, оглядываясь назад, проверяя, не забыл ли что.

Я слишком давно знала Кириянова, чтобы не догадаться –

он выжидал, стану ли я проявлять интерес к тому, кто именно у него находится под подозрением кроме Венчика. Но я обошла это молчанием, давая понять, что мне это не больно интересно. А то, что я спросила про другие версии, так это исключительно для того, чтобы морально поддержать Кирию. Мой расчет попал в цель, Володька стал делиться со мной своими соображениями:

– Брат убитой покинул дом незадолго до обнаружения трупа. На связь он не выходит, дома его нет, в мастерской, где Костя иногда малюет свои картинки, – тоже. Это еще тот типчик, скажу я тебе, Таня. Пьяница, беззастенчиво тянувший из сестры деньги.

– Если так, то живая она была ему нужнее? – предположила я, ставя под сомнение версию, которая и мне пришла в голову одной из первых.

– Не скажи, – возразил Владимир Сергеевич. – Брат с сестрой совместно владели недвижимостью в городе. Прислуга слышала, как Костя не раз уговаривал Вику отказаться в его пользу от квартиры, доставшейся им в наследство от родителей. Она не соглашалась. Ее доля давала хоть какие-то гарантии того, что он не продаст жилье без ее ведома и не останется на улице. Домработница также слышала, что Виктория пообещала оставить ему свою долю в наследство.

– А кто из них старший?

– Вика на десять лет старше Кости была.

– Знаешь, версия насчет брата мне нравится больше, чем

та, согласно которой Бусыгину убил Аякс.

– Пожалуй, это равноценные версии, – высказался Кирьянов, еще совсем недавно отдававший приоритет той, что привела его ко мне в восемь утра.

– Только по телевизору почему-то фотографию одного Аясова показывают. А пропали оба, – заметила я.

– Для Константина это привычная картина, по словам подруги убитой, он частенько зависал у каких-то баб, выключая телефон.

– Прямо-таки с утра уехал из Князево и сразу пошел по бабам, – усмехнулась я.

– Мы его ищем, ищем, – заверил меня Кирьянов и наконец стал открывать замок. Перед тем как уйти, он попросил: – Таня, если вдруг ты где-то случайно столкнешься с Аясовым, то скажи ему, что не стоит бегать от следствия. Мы его рано или поздно найдем. В его же интересах самому прийти в полицию и дать показания. Нет, лучше ничего ему не говори, а позвони мне и сообщи, где ты его видела.

– Маловероятно, что я где-то с ним столкнусь, он наверняка уже далеко от Тарасова, – стояла я на своей точке зрения.

– Что-то я у тебя задержался, – всполошился полковник. – Собирался заскочить на пять минут, но не уложился. Ладно, я пошел.

– Пока, – я наконец выпроводила своего неожиданного гостя за дверь.

Прокрутив в голове весь наш разговор, я пришла к выводу – уверенности насчет моей помощи Венчику у Кирьянова поубавилось, но она не исчезла полностью. Это означало – мне надо быть крайне осторожной, чтобы не вывести следствие на Аясова. На всякий случай я проверила, не оставил ли визитер «жучок», чтобы прослушивать мои разговоры. Однако детектор определения прослушивающих устройств ничего подобного не обнаружил. Правильно в народе говорят, что «на воре и шапка горит». Меня одолевали похожие чувства, но сдавать Аякса правосудию, чем бы мне это укрывательство ни грозило, я не собиралась.

Как выяснилось, Костик покинул дом своих родственников вчера утром, после этого он не выходил ни с кем на связь. Где же он мог пропадать? Я решила поискать ответ на этот вопрос в соцсетях, но запоздало сообразила, что не знаю фамилию художника. Побродив по сайтам местных картинных галерей и творческих мастерских, я с удивлением обнаружила, что имя Константин носит едва ли не каждый третий тарасовский живописец. Если бы я хотя бы приблизительно знала, в какой манере пишет тот художник, которого я искала, то подобный поиск мог бы увенчаться успехом. Но я этого не знала, поэтому решила поискать в соцсетях Викторию Бусыгину.

В первой же социальной сети я буквально сразу нашла нужный аккаунт. На стене была размещена ее фотография с траурной ленточкой в углу. Выложила этот пост ее подру-

га Ксения, сопроводив фотографию небольшим некрологом: «Виктория, ты еще раз подтвердила, что первыми из жизни уходят лучшие. Мы дружили с тобой с 5-го класса и были не разлей вода. Кто не знал, что мы подруги, считали нас сестрами. Не представляю, как я буду жить дальше без тебя. У кого мне спрашивать совет? Кому плакаться в жилетку? С кем делить свои радости? Ты навсегда останешься самым близким мне человеком. Все, больше нет сил писать, плачу»...

Ксения выложила этот пост еще вчера вечером, под ним было несколько десятков комментариев. Одни подписчики Бусыгиной интересовались причиной безвременной кончины тридцатипятилетней Виктории. Другие спрашивали, когда и где состоится прощание с ней. Ближе к ночи пошли вопросы, не связано ли как-то объявление о вознаграждении за поимку опасного преступника со смертью Вики. Все эти комментарии оставались без ответа со стороны близких покойной. Я перешла на страницу Ксении. Судя по времени последнего посещения, она опубликовала свой некролог на Викиной стене и сразу же покинула эту соцсеть и до сего момента больше не заходила туда.

Вернувшись на страницу Бусыгиной, я стала ее изучать. Вика отметила, что замужем, но ссылку на страницу мужа не дала. Похоже, Федор не был зарегистрирован в данной социальной сети. Я не усмотрела в этом ничего удивительного – бизнесмены его уровня просто не имеют времени на

то, чтобы постить красивые картинки. У них есть дела по-серьезней. Сама Вика, несмотря на высшее медицинское образование, не работала, занималась домашним хозяйством. Судя по ее фотографиям, она увлекалась квиллингом – составлением композиций из скрученных в спиральки бумажных лент. Было много постов с Гвидоном, чувствовалось, что она души не чаяла в своем питомце. Неудивительно, что человек, нашедший провалившегося в канализационный люк пса и спасший тем самым ему жизнь, получил теплый прием в доме. Однако брат, потерявший собаку или даже собственноручно сбросивший ее в канализацию, не был отлучен от дома. Виновник события, изрядно потрепавшего Бусыгиным нервы, по-прежнему был к ним вхож на правах близкого родственника.

Среди публикаций трехмесячной давности я нашла фотографию с выставки местных художников, которую посетила Вика. По комментариям под ней я поняла, что ее брата зовут Константин Дерябкин. Зайдя на его страницу, я обратила внимание, что он бывает в этой соцсети набегами – то ежедневно делает несколько постов и репостов, то пропадает на месяцы. Периодически встречались фотографии, снятые в одном и том же ночном клубе. Константин не писал, как называется это заведение, геометки тоже не было, но я знала, что это за место и как его найти – несколько месяцев назад мне доводилось бывать в клубе «Два акына», когда я занималась одним расследованием. Днем это заведение ра-

ботало как обычное кафе, а с вечера и до последнего посетителя – как ночной клуб. Судя по естественному освещению на некоторых фотографиях, Костик бывал там и в дневное время.

Пока коллеги Кирьянова не вычислили, что это за клуб, у меня были все шансы навестить туда первой и выяснить, когда Костик был там в последний раз и с кем.

* * *

Я увидела Дерябкина сразу, как только вошла в кафе. Он сидел за столиком, на котором стоял ряд наполненных водкой стопок, и опрокидывал их друг за другом без всякой закуски. На столе стояла тарелка с колбасной нарезкой, но он ее игнорировал. Сев за соседний столик, я стала искать глазами меню или официантку. Гора кожаных папок лежала на барной стойке, рядом с которой, вполоборота ко мне, стояла официантка и водила пальцем по дисплею смартфона. Торопиться мне было некуда, поэтому я не стала ее звать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.